

СТРАШКОВА Ольга Константиновна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры отечественной и мировой литературы
гуманитарного института,
Северо-Кавказский государственный
федеральный университет
(Россия, Ставрополь)

**ВОЙНА КАК МИРОМОДЕЛИРУЮЩАЯ УНИВЕРСАЛИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА РОМАНОВ
Ю. Г. СЛЕПУХИНА**

Аннотация: В произведениях Ю. Г. Слепухина, в художественной форме транслирующих события Второй мировой войны, важную функцию выполняет соотношение пространства и времени как миромоделирующих конструкций. Настоящее, прошлое, будущее в произведениях военной тетралогии по-разному доминирует в каждой части. На настоящее героев, живущих в послевоенном художественном пространстве, непременно оказывает влияние прошлое. Пространство в романах Слепухина многогранно. На примере одного пространственного образа-символа романа «Перекресток» раскодируется пространственно-временная семантика, иллюстрирующая эмоционально-психологическую установку автора. В незавершенном романе «Не подводя итогов» временные и пространственные координаты диффундируют, создавая при этом единый хронотоп. Исследование хронотопа — один из методов анализа поэтики романов Ю. Г. Слепухина.

Ключевые слова: художественная модель мира, Вторая мировая война как индивидуально-творческая универсалия, тетралогия, аргентинский цикл, хронотоп, категория времени, категория пространства.

Annotation: In the works by Yu. G. Slepukhin, in an art form broadcasting the events of World War II, the ratio of space and time as world-modeling structures plays an important role. The present, the past and the future differently dominate each part of Slepukhin's military tetralogy.

The present of its heroes living in the post-war art space is certainly influenced by the past. The space in Slepukhin's novels is multifaceted. On the example of one spatial image — the symbol of the novel 'Crossroads' the temporal and spatial semantics is decoded, illustrating the emotional and psychological attitude of the author. In the unfinished novel 'Without Summing Up', the temporal and spatial coordinates diffuse, creating a single chronotope. The chronotope study is one of the methods for analyzing the poetics of Yu. G. Slepukhin's novels.

Keywords: Art model of the world; World War II as an individual creative universal; tetralogy; Argentinean cycle; works about post-war life; chronotope; time category; space category.

Каждый писатель выстраивает в своих произведениях индивидуальную художественную модель мира, отражающую при этом существующую действительность. Действительность, сформировавшая мировоззрение Юрия Григорьевича Слепухина и мироощущение многих его персонажей, — это Вторая мировая война.

Теоретики и историки литературы доказывают, что ядром миромоделирования в художественном тексте является триада: пространство, время, герой. Это те универсалии, выявление взаимоотношений которых в художественном тексте нагляднее всего обнажают структуру создаваемой писателем модели мира. Одной из задач исследователя поэтики произведения является воссоздание, конструируемой автором (в нашем случае Ю. Г. Слепухиным) его собственной модели мира, системы координат, явленных в организации пространства и времени, в их наполненности сюжетной судьбой персонажей. Моя методологическая позиция основывается на следующей концепции М. М. Бахтина: «Хронотоп определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности. Поэтому хронотоп в произведении всегда включает ценностный момент <...>. Все временно-пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и всегда эмоционально-ценностно окрашены»¹.

¹ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: исслед. разных лет. М.: Художеств. литература, 1975. С. 391.

Пространство и время в романах Ю. Слепухина эмоционально окрашены осознанием героем и автором неотвратимости глобальной катастрофы, переживаемой миром, человечеством и человеком. Эта катастрофа — Вторая мировая война — и является доминантной универсалией, определяющей структуру и содержание художественной модели мира писателя. В четырех романах военной тетралогии («Перекресток», «Тьма в полдень», «Сладостно и почетно», «Ничего кроме надежды»), в трех романах аргентинского цикла («У черты заката», «Южный крест», «Ступи за ограду»), в произведениях о советской послевоенной действительности («Киммерийское лето», «Частный случай»), в незавершенном эпическом тексте («Не подводя итогов»)² и пространство, и время, и судьба персонажей рассматриваются сквозь трагическую призму Мировой Войны. Попытаемся только наметить один из методов научного прочтения произведений писателя, художественная система которого основана на оригинальном мировидении, сложившимся под воздействием глобальных исторических событий и биографических реалий.

Если говорить о временной категории в военной тетралогии, то она соотносится с тремя координатами: до Войны, во время Войны, после Войны. В этой нашей системе можно выявить следование одному из параметров концепции миромоделирования, разработанной В. Н. Топоровым. Ученый указывает на неразрывную связь диахронии (понимаемой как повествование о прошлом, связь «логического» и «исторического») и синхронии (объяснение настоящего и частично будущего, исходя из категорий прошлого; «различение инвариантных и вариантных отношений»)³. В первом романе тетралогии Слепухина, «Перекресток», настоящее время, в котором пребывают одноклассники-выпускники, соотносится с мечтой о прекрасном будущем; во втором романе, «Тьма в полдень», настоящее в оккупированном гитлеровцами городе постоянно обращает героев к недавнему прошлому, потому что в будущее страшно заглядывать.

² Тексты произведений анализируются и цитируются по изд.: Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. СПб.: Ладога; Фонд Слепухина, 2005–2011.

³ Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира: энцикл. Т. 2. М.: Росс. энцикл., 1994. С. 161.

«Это была какая-то странная, нереальная и словно придуманная жизнь, — замечает автор. — Прежде всего, у нее не было будущего. Никто из людей, вынужденных жить в фантастических условиях оккупации, не знал, как и в какую сторону изменятся эти условия завтра»⁴. Так же неясно виделось будущее и Сергею Дежневу, после очередного жестокого сражения размышлявшему о судьбе страны, о своей судьбе: «А будущего он не мог пока разглядеть. Оно было затянуто мглой <...>»⁵. В третьем романе, «Сладостно и почетно», доминирует настоящее — жизнь Людмилы на чужой земле, неудавшееся покушение немецких патриотов на Гитлера, варварски разрушенный союзниками Дрезден. Профессор Штольниц не грустит по ушедшей молодости, не мечтает о будущем, хотя не без удовлетворения констатирует надвигающееся падение Третьего Рейха. Эрих Дорнбергер, в прошлом ученый-физик, пережив с гитлеровской армией ленинградский котел, пришедший в лагерь антифашистов, не строит модели далекого будущего, он готовится к реализации ближайшего плана «Валькирия», чтобы очистить Германию от фашизма как можно скорее, убежденно утверждая: «Страна опротиветь не может; своя страна, я хочу сказать. Опротиветь могут порядки»⁶. Дорнбергер погибает, и Людмиле не приходится решать проблемы совместной жизни с любимым в будущем. В четвертой части тетралогии, «Ничего кроме надежды», настоящее (с октября 1943 по октябрь 1945) переживается в эмоциональной ориентированности на прошлое. Тетушка Болховитинова вспоминает дореволюционную и революционную Россию. «Когда вспоминаешь, возникает странное ощущение: время словно расплывается, перемешивая прошлое с настоящим, и от этого “разбавления прошлым” настоящее приобретает иное качество, выглядит уже не таким безысходным», — комментирует

⁴ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 1: Перекресток; Тьма в полдень. СПб.: Ладога, 2005. С. 581.

⁵ Там же. С. 625.

⁶ Там же. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. СПб.: Ладога, 2006. С. 65.

автор постоянное возвращение Татьяны к событиям в Энске⁷. После «фильтрации», вернувшись на родину, она вспоминает встречи с Болховитиновым («...в ее памяти то лето осталось чуть ли не как счастливая пора...»⁸), со страхом вступая в новое настоящее. Слепухин как бы напоминает о событиях, описанных в предшествующих книгах, дополняет «недописанные» коллизии, вероятно, потому, что о будущем всем персонажам, да и самому автору, думается с недоверием. Так, Болховитинов *«снова и снова задавал себе вопрос — что же теперь будет с ним самим? Продолжать жить как ни в чем не бывало, где-нибудь в Праге или Париже, представлялось уже немыслимым. Что же тогда — проситься в Советский Союз?»*⁹ Майор Дежнев не представлял, как жить после наступления мира: *«Пока он еще не мог освоиться с ним настолько, чтобы начать строить планы мирной жизни»*¹⁰. Настоящее, наступившее после победы, оказалось не так солнечно и счастливо, как грезились героям, многие годы претерпевавшим невзгоды войны. *«Да на войне было легче. <...> Погани было меньше»*¹¹, — грустно размышляет командарм Николаев. Теперь, в настоящем, под бледным, негреющим осенним солнцем ничего не остается, кроме надежды.

Персонажи и других произведений Юрия Слепухина, сюжет которых развивается в послевоенный период, живя настоящим, выстраивают парадигму нравственных ценностей, восходящих к, казалось бы, далеким историческим событиям. Сложнейшее переплетение настоящего, прошлого и вероятного будущего являет собой незавершенный роман «Не подводя итогов».

Эпическое пространство, созданное Слепухиным в его романах, — многоярусное, полифоническое, бытовое, конкретно-историческое, типическое, психологическое — соотносится с условно-вымышленным и в то же время топографически выверенным пространством, в котором разворачиваются исторические события.

⁷ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. С. 514–515.

⁸ Там же. С. 981.

⁹ Там же. С. 721.

¹⁰ Там же. С. 910.

¹¹ Там же. С. 971.

В тетралогии конкретные топографические указатели соединяются в двух первых романах с описаниями вымышленного города Энска. И здесь для конструирования урбанистических соответствий/несоответствий, визуально просматривающихся совпадений с топографией города Ворошиловска (название Ставрополя в 1935–1943) неограниченный вклад вносят исследования ставропольского профессора Л. П. Егоровой, сравнившей названия улиц в романах, их географическую ориентированность, топографические приметы, описания домов с сохранившимися в её памяти ставропольчанки, жившей в довоенном Ворошиловске, реалиями¹². Подтверждение своим наблюдениям ученый нашла в документах краевого архива, краеведческого музея. Кроме того, Л. П. Егорова «вычитала» в первых двух книгах и украинский топографический след¹³.

Первая книга тетралогии почти не выводит действие за границы советского провинциального города, хотя есть здесь упоминания о Монголии, Финляндии, Германии.

Во второй книге, «Тьма в полдень», пространство описываемых событий военного времени расширяется: оккупированный Энск, Германия, фронтовые зарисовки на Кавказе, на Курской дуге. Места, охваченные боевыми действиями, изображается и через авторскую рецепцию, и через восприятие героев. Вот пример: «Он (Сергей – О. С.) думал о том, <...> скоро ли выдохнутся немцы. <...> Немецкая война пришла к последнему своему рубежу, она издыхала здесь, на курских полях, как некогда на Бородинском поле издохли разом все войны Наполеона. Немецкая война издыхала, и ей на смену рождалась русская, яростная и справедливая, как само Возмездие <...>»¹⁴.

¹² См.: Егорова Л. П. Недописанная страница «Истории литературы Ставрополя» // Поэтика романов Юрия Слепухина: сб. науч. ст. / под ред. О. К. Страшковой. Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 13–38; Она же. Ставропольский текст в военной тетралогии Юрия Слепухина // Зарубежная Россия. XX век: Слепухинские чтения–2016: тр. Международ. науч. конф. СПб.: Фонд Слепухина; Ладога, 2018. С. 121–144 (ил.: С. 644–655).

¹³ См.: Егорова Л. П. Украинская составляющая «энского» текста в романе Ю. Слепухина «Тьма в полдень» // Наст. изд. С. 436–453.

¹⁴ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 1: Перекресток; Тьма в полдень. С. 943.

Третья книга, «Сладостно и почетно», переносит повествование в гитлеровскую Германию, в Дрезден, Берлин, Эссен; в бараки остарбайтеров и в дом немецких интеллигентов.

Развитие сюжета четвертого романа происходит в расположении советских войск на советской и немецкой территории, в Германии, Голландии, Австрии, в СССР, в Праге, Дрездене, Энске. В последних главах четвертой книги автор, в соответствии с принципом кольцевой композиции, возвращает действие в пространство первых глав тетралогии, но создавая совершенно отличающуюся эмоциональную атмосферу: психологическое состояние героев, судьбу и характер их «смоделировала» Война.

Война как доминантная универсалия романов военной тетралогии, аргентинского триптиха, повестей о советской жизни и незавершенного романа-размышления определила мироощущение и судьбу героев, живущих после Войны, но существующих в эмоциональных координатах этой прошедшей Войны. Необходимо отметить, что в произведениях Юрия Слепухина пережитое миром, страной, человеком в соответственном пространстве и времени, определило и душевное состояние, и отношение к себе и другим, и, безусловно, восприятие действительности персонажами.

В тетралогии Война проводит героев через испытания на честь и мужество, веру и самопожертвование, стойкость и разочарование. В романе «Перекресток» мальчики и девочки еще инфантильны: радостно воспринимая жизнь как таковую, они не видят, не чувствуют, не понимают, да и не могут в период своеобразного «шапка-закидательства», веры в единство пролетариев всех стран, в сталинское слово предположить самую возможность войны (показателен в этом отношении диалог Татьяны и Людмилы). Но неожиданно нагрянувшая Война резко изменила отношение к жизни, к людям, к себе, к любви. Военное пространство/время диктовало свои условия. Советская комсомолка полюбила немца. Сергей, почти всю войну хранивший трепетное чувство к Тане, не испытывает раскаяния. Изменив своему чувству, и мало того, он почти поверил в то, что любимая могла служить гитлеровцам. Татьяна пережила оккупацию, рискованную связь с подпольем, страх смерти, горькую долю

остербайтера, и в последней книге тетралогии *«на все смотрит теперь какими-то не теми глазами»*¹⁵. Однако, как ни парадоксально, после «разоблачений» СМЕРШа она по-прежнему верит власти, Сталину и убежденно спорит с Кириллом: «Ну ты еще скажи, что это товарищ Сталин приказал подозревать в измене каждого!»¹⁶. Людмила, пережившая в начале войны, по существу, предательство матери, бросившей ее на произвол судьбы, то есть Войны, перенеся участь остербайтера на вражеской земле, потеряв любимого, испытывав потрясение на развалинах Дрездена, оказалась под следствием у «товарищей» из СМЕРШа уже с опустошенной душой, человеком, низвергнутым *«на самое дно отчаяния – самого глухого, самого последнего, когда уже не остается ни надежды, ни желания ее обрести»*¹⁷. Да и танин Дядяша, теперь генерал-полковник Николаев, некогда безоговорочно веривший в свое Отечество, в силу советской армии, после Войны стал другим, без инстинктивного патриотического подъема и убежденности советского офицера. Он понимает бессмысленность попытки спасти подругу Тани. Усердные искатели врагов, откровенно думает он, *«не стеснялись и во время войны, но все же по пустякам не усердствовали сверх меры. Ну а теперь-то уж чего стесняться!»*¹⁸ *«...пора было привыкнуть, да он и привык. К себе не привыкнешь, вот что худо. К себе — каким стал, каким тебя сделали...»*¹⁹, — с горечью размышляет он о себе.

Война не может не изменить человека, как любая катастрофа, в пространство которой, вневременное, он низвергнут. Писатель Слепухин в романах о Второй мировой войне с удивительной психологической убедительностью показал эмоциональную изломанность и персонажей-немцев: и тех, кто верой и правдой служил Гитлеру, отстаивал фашизм, и тех, кто героически боролся с ним, и тех, кто смирился.

¹⁵ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 2: Сладостно и почетно; Ничего кроме надежды. С. 915.

¹⁶ Там же. С. 934.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 969.

¹⁹ Там же.

Юрий Слепухин показывает, что даже много лет спустя Война напоминает о себе, казалось бы, в совершенно устойчивых сложившихся послевоенных отношениях. Так, в романе «Киммерийское лето» писатель выстраивает судьбу своих героев, в том числе и «пришедших» из тетралогии (Татьяна, Болховитинов, их сын Андрей), в советской действительности 1960-х. Москва, Ленинград, Феодосия, Новоуральск являют некое единое социально-психологическое пространство, в которое неожиданно врывается военное прошлое. Но именно это географическое пространство осмысливается и измеряется самим временем, отраженным в романе (то есть прошлым и настоящим). Девочка из привилегированной семьи послевоенного управленца узнает о двойном предательстве матери: в 1943, когда отец воевал на фронте, Елена Львовна родила от «тыловика» в эвакуации сына и затем сдала его в детский дом, предварительно посоветовавшись с мужем. «Предложив жене отдать ребенка, Иван Афанасьевич и не думал о том, чтобы этим наказать ее за неверность <...>. Он ведь не требовал ничего от жены, он просто предложил ей выбор»²⁰. Мать Ники, ставшей родителям суровым судьей, пытается покончить с собой; «... сама низость ее измены, бессмысленной, случайной, вдвойне мерзкой именно потому, что муж в это время был на фронте, усугубляла в ней чувство вины, желание как-то искупить, что-то поправить...»²¹. Военное прошлое родителей перевернуло сознание Вероники Ратмановой, подтолкнуло к самостоятельным действиям и решениям. Она стала взрослее, изменилось ее отношение к прошлому и настоящему. И в конце концов прошлое, воспринимаясь героями сквозь призму настоящего, позволило им в нынешней жизни по-новому взглянуть на настоящее, простив близким ошибки военных лет.

Необходимо отметить, насколько гармонично объединены Ю. Слепухиным в развитии сюжета, в системе образов, в названии произведений все обозначенные нами универсалии: пространство — время — герой. Приведу для примера только многослойность

²⁰ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. [4]: Ступи за ограду; Киммерийское лето. СПб.: Ладога, 2011. С. 773.

²¹ Там же. С. 708.

прочтения одного образа-символа, расширяющего границы толкования универсалии, включаемой в художественный и исторический контекст. Я имею в виду название романа «Перекресток», на которое непременно обращают внимание исследователи. Этот образ выполняет и функцию пространственную, и указывает на временную категорию (перекресток перед новой эпохой — эпохой Войны), и выполняет эмоционально-психологическую роль, подчеркивая состояние молодых людей, оканчивающих школу и стоящих на перекрестке жизненных дорог.

Вот три иллюстративные цитаты.

Привычный городской пейзаж, возвращающий Таню к реальности после того, как ее обвинили в «разлагающей работе» с пионерами: *«Но нет, все было в действительности — она стояла на знакомом перекрестке возле школы, мороз покалывал щеки <...>»*²² Или еще пример пространственного указателя: *«...а на перекрестках приходилось, балансируя руками, перепрыгивать с одной кочки посуше на другую»*²³ (в Замостной слободе).

Перекресток как символ жизненного выбора, как начало нового времени: *«Вывели на перекресток? — задумчиво улыбается Таня. — Да, это верно, Дядясаша... — Какой перекресток? Ну, если хочешь... э-э-э... аллегорически — пусть будет перекресток. Я все-таки рад, что помог тебе дойти до него. Так что, видишь, брат, — подмигивает он, — я вовсе не говорю, что ничего для тебя не сделал!»*²⁴.

Эмоциональные размышления Тани о своей судьбе и судьбе Дядисаши отражают ее предощущение грозного воздуха войны: *«В общем, я не знаю... это очень трудно передать. Как будто все меняется и должно измениться еще больше, как будто мы все подходим к незнакомому перекрестку...»*²⁵. Реплика Людмилы в дневнике: *«Я действительно до сих пор просто и не подумала, что эта мера вызвана подготовкой к войне, и вообще совершенно не думала о том, что война*

²² Там же. Т. 1: Перекресток; Тьма в полдень. С. 322.

²³ Там же. С. 155.

²⁴ Там же. С. 378.

²⁵ Там же. С. 238.

может захватить и нас. Теперь я понимаю, почему Т. говорила тогда о “перекрестке” <...>»²⁶.

В литературном произведении, как свидетельствует данный подбор цитат, категории пространства и времени, с одной стороны, существуют как «готовые», «преднаходимые», с другой, — обладают исключительной вариативностью. Своеобразие пространственно-временной организации текста проявляется на уровне литературных направлений, литературных родов и жанров, а также на уровне индивидуального художественного мышления, в частности — и в выстраиваемой Юрием Слепухиным художественной модели мира.

Не только название первого романа тетралогии Слепухина, но и названия всех его произведений являют собой отдельный предмет для исследований, обогащающий наше представление об авторской модели мира. Позволю себе прокомментировать заглавие еще одного романа тетралогии, «Тьма в полдень», включающее в себя и пространственные, и временные, и эмоциональные коннотации. Номинированный оксюморон семантически заключает смысловые доминанты текста.

Во-первых, ситуация, в которой оказались жители провинциального советского городка, как и других оккупированных территорий огромной державы — СССР, — это тьма после солнечных надежд на светлое будущее советских людей и героев первого романа. Терзаемый страхом перед нацистским террором еврей Бровман выражает общее недоумение: *«Если уж надо было пустить их сюда, то зачем было оставлять столько людей им на съедение? <...> У меня сын на фронте. Почему его дети должны теперь умереть?»²⁷* В страшные месяцы и дни оккупации тьма спустилась на город Энск. Во-вторых, каждый персонаж романа переживает разрушение идеалов, жизненный перелом, маргинальное состояние между тьмой и светом, делая свой нравственный выбор. Путь к полуденному свету Татьяны, Людмилы, Сергея, Володи Глушко, Алексея Кривошеина и других тернист и нелегок. Во втором романе окончательно складывается их характер, представление о мире и себе, определяются

²⁶ Слепухин Ю. Избранное: [в 5 т.]. Т. 1: Перекресток; Тьма в полдень. С. 303.

²⁷ Там же. С. 609.

пути к полуденному солнцу, даже если это путь к героической гибели. В-третьих, иллюстрируя название романа, построенное на антиномии, писатель откровенно противопоставляет темные силы фашистского зла светлым идеалам защитников Отечества. Автор показывает, что и для гитлеровцев тьмою застилается их уверенность в быстрой, искрящейся славой победе. В лирическом отступлении заключительных страниц романа автор-повествователь выражает уверенность: «Война уже была <немцами> наполовину проиграна. Гигантской западней оказалась Россия, рухнули широко задуманные планы в Африке, с каждым месяцем все яснее становилась полная бесперспективность подводного рейдерства на караванных путях Северной Атлантики»²⁸.

Так, в названиях романов Ю. Слепухина заключаются множественные смыслы, отражающие мировоззрение автора, создающего индивидуальную художественную модель мира.

Таким образом, здесь намечен один из возможных аналитических конструкторов, позволяющих исследовать модель мира, построенную на философских, социально-политических, эстетических основах, во многом определяемых событиями Второй мировой войны, пережитыми и осмысленными писателем Слепухиным.

²⁸ Там же. С. 941.